

Недавно на одной из популярных телепередач Александр Градский сказал, что его приглашают, дабы поднять рейтинг. И это правда. Слава его уже давняя, но прочная. Сколько звезд взлетело и закатилось за последние тридцать лет, а звезда Градского все так же высока.

Татьяна БЛАЖНОВА

Сам себе режиссер

Копейск

Живет Александр Борисович в самом центре Москвы, но при этом в тихом переулке, в квартире, которая как будто бы из позапрошлого века. Если вспомнить, что родился он в райцентре под Челябинском, масштаб его житейского успеха очевиден.

— **Вы потом-то в Копейске бывали?**

— Да. Дело в том, что мои родители привезли меня в Москву семи лет от роду. А в Копейск они попали по распределению. Точнее, отец туда после института попал. Он был инженером. А мама была актрисой, окончила курс в ГИТИСе у Плотникова. Очень хорошая была актриса, но карьера у нее не сложилась. Заболела очень тяжело, рано умерла.

— **Как они в Москву смогли вернуться?**

— Откуда я знаю?

— **Похоже, что были не очень хваткие.**

— Они были совсем не хваткие. Главный-то вопрос в Москве был — жить где. Мамина мама жила тогда в Подмоскowie, в Расторгуеве, а папина — в Москве. У нее была маленькая комнатка подвальная, восемь метров. Еще в квартире жило восемь семей, двадцать девять человек. И мы в эту комнатенку завалились. Мне было четырнадцать

1952 г. «Мама была очень хорошая актриса, но карьера у нее не сложилась»

лет, когда мама умерла. Вот тогда мы переехали в квартиру получше, мама ее так и не увидела. 26 метров, шикарно! Мы там оказались втроем. Потом папа женился, так что прибавились его жена с ребенком от предыдущего брака. А бабушкина сестра тогда сломала ногу, мы ее взяли к себе. В результате в этой квартире нас оказалось шесть человек. И я этого не выдержал — уехал на гастроли. В какой-то момент я вернулся. Папа к этому времени получил возможность

жить в другом месте. Бабушкина сестра выздоровела и уехала. Мы с бабушкой остались вдвоем и жили так до 82-го года.

— **С бабушкой?**

— В этой квартире — до 82-го года. А с бабушкой мы жили где-то до 90-го, боюсь сказать точно. Потому что с какого-то момента она предпочла жить со своим братом. Мы с папой (в основном отец, конечно) возили ей продукты. У меня в то время родились дети, бабушке стало тяжело. Она была очень

педантичная женщина, большая чистюля. Пенсия у нее была маленькая, я тогда тоже материально не был хорошо обеспечен, но тем не менее она умела выглядеть достойно. Бабушка очень много для меня сделала. Намного больше, чем обычная бабушка. Она меня пилила. Это понятно. Но достаточно хорошо приняла мое увлечение.

— А остальные родственники?

— Папа как-то сомневался. Хотя он был человеком современным и им остается. Но он хотел, чтобы я стал инженером, как он, чтобы пошел учиться в институт химического машиностроения. Но надо отдать ему должное: под моим напором он сломался. Бабушку же мою звали «бабушкой всего московского рок-н-ролла» того времени. К нам приходило много моих друзей. Они в нашем доме, скажем так, столовались.

— И она что, всех кормила?

— Абсолютно всех. На ее котлеты собирались все рок-н-рольщики.

— И это ее не раздражало?

Саша Градский с 14 лет кормил себя сам

— Ее раздражало, когда я девушек приводил и устраивал в квартире сумасшедший дом. Уходила к соседке: «Я этого выдержать не могу, пойду, посижу у Нины Ивановны».

— Вы были скверным мальчишкой.

— Конечно, а как же иначе!

— Рок-н-роллом вас дядя соблазнил? Тот, что работал в ансамбле Игоря Моисеева?

— Это бы и без него случилось. Но дядя нужно отдать должное: он по три месяца бывал на гастролях в США. Привозил фотографии, где он на фоне небоскребов, сувениры, музыкальные записи. В Союзе все это было за семью печатями, но очень привлекало. Мне даже сон все время снился: как я приземляюсь в аэропорту Вашингтона...

— Этот ваш сон, как я понимаю, сбывлся, и не раз.

— Теперь я езжу везде. Но, конечно, когда полетел в первый раз, это было в 88-м, у меня было ощущение, сходное с тем, что я испытывал во сне.

— Насколько я могу судить, вы за то время, что прошло между нами и

их воплощением в явь, сумели создать три музыкальных ансамбля и поднять рок-н-ролл на уровень настоящей музыкальной культуры...

— Я был «одним из». И я говорил бы тут о рок-н-ролле на русском языке.

— Сложную инструментовку, многоголосье в рок-н-ролл ввели тоже вы...

— Этого и по сей день никто не делает. Были попытки у некоторых ребят, не буду их называть, но то были не более чем попытки, далее одной пластинки дело не шло.

— И, наконец, вы легализовали рок-н-ролл в СССР.

— Абсолютно. Это правда.

— Но главное — вы с 14 лет сами себя кормили. И на инструменты для своих ансамблей сами зарабатывали. Не имея никаких званий, стали признанным музыкантом — при этом почти не имея доступа к радиоэфиру и телевидению. Так что именно вас маститый уже Кончаловский пригласил писать музыку к фильму «Романс о влюбленных». Двадцатитрехлетнего, не члена Союза композиторов.

— Так все и было. Потому и в новые времена я выжил. Когда в 80-е годы у музыкантов пошли разборки — кто продался, кто

воспоминания — и совершенно независимо от меня. Там даже мамы фотографии сохранились. Хотя она была не очень легким в общении человеком. Несговорчивым.

— Как вы.

— Да...

Авторское право

— Однако при всех ваших заслугах перед русским рок-н-роллом вы в это движение как-то не вмещаетесь. В 70-х годах вы перешли на сочинение авторских песен, причем на стихи классиков. В вашем репертуаре сложнейшие оперные партии. Сегодня вы и тексты своих песен пишете сами. Так кто вы прежде всего: исполнитель, композитор, певец, поэт?

— Я — автор, будем так говорить.

— Вы и в Большом театре пели...

— В 88-м году меня Евгений Федорович Светланов позвал.

— Да где он вас увидел?

— Мы с ним совершенно случайно встретились в студии звукозаписи на улице Качалова. Была параллельная смена записи: он репетировал с оркестром в студии, а я в аппаратной работал с пленками. И случайно подстер четыре аккорда. Спустился к нему:

1966 г. Ансамбль «Скоморохи». «Папа мечтал, чтобы я стал инженером»

не продался, — я им сразу сказал: ребята, пока ваш, так сказать, «товар» не покупается, это пожалуйста. А вот когда «товар» будет покупаться, тогда и будет видно, кто есть кто. Я-то это с самого начала понял, когда всю страну с гастролями объезжал.

— А в Копейске-то были?

— Был! Два раза! Лет десять-двенадцать назад. Попал в Челябинск — ну и решил съездить. А в первый раз, когда попал туда, еще был цел наш дом. Приняли меня очень хорошо. Весело. Особенно в Доме культуры, где моя мама режиссером драмкружка работала. Там о ней сохранили очень хорошие

«Здравствуйте, Евгений Федорович, моя фамилия Градский, у меня такая вот трагедия произошла». — «И что же?» — «Не могу ли я использовать ваш оркестр?»

— Круто!

— У меня уже денег не было на то, чтобы нанять сто человек. Он сказал: «Хорошо. Только вы сами дирижируйте». Я сказал им, что играть, даже без нот, это очень простые были аккорды. Они сыграли, я отмонтировал, сказал «спасибо». А потом один из его директоров что-то ему сказал обо мне. Он взял мою работу — кажется, «Романс о влюбленных», потом поговорил с Хренниковым, у которого я учился в консерватории. Сам позвонил и предложил спеть. Я ему показал, и все, начали репетировать «Золотого петушка». Я

спел два спектакля. А меня Леня Ярмольник, сидя в первом ряду, снимал на камеру. Могу показать, если хотите. Хотя камера прыгает, предупреждаю.

Камера прыгала. Но зрелище предстало невероятное. Ведь каков Звездочет в привычном понимании? Старичок в колпаке со звездочками и с длинной бородой. А тут гладко бритый высокий человек («Так он скопец», — сказано же у Пушкина!). — А .Г.). С длинными локонами «это я свои выседил тогда». В темных очках! И не в халате, а в некоем условном балахоне. «Вы, наверное, похожи в этой роли на свою бабушку», — сказала я. «А то!» — ответил Градский. Но через несколько мгновений — где та интеллигентная властная бабушка? Нет ее. На сцене интеллигент, причем из XX века, типа Артура Миллера, гуманитарный и прогрессивный. А еще через какое-то время...

— **Послушайте, он у вас дьявол, что ли, этот Звездочет?**

1969 г. Спортлагерь МЗИ «Алушта». Александр Градский ввел в рок-н-ролл сложную инструментовку, многоголосие

— Ну... Не человек, конечно. Он — другой. Может быть, это пришелец. Но возможно, и дьявол: пришел, соблазнил, проверил всех на прочность, так сказать, нравственных устоев. Мол, можно с ними иметь дело или нет?

— **Вы с Шамаханской царицей перемигивались. Или мне показалось?**

— Не показалось. Я как бы сам ее застал...

— **Борис Покровский в своей книге «Что, для чего и как?» пишет: он дважды ставил «Петушка», но более никогда не будет, потому что это страшная опера, где предсказана гибель России...**

— Ну да. Похоже. Но я бы сказал — это о предполагаемой гибели. Это один из возможных вариантов. Все зависит от людей: если они нестойки, если легко поддаются

соблазну, с ними нельзя иметь дело.

— **А в конце вы снимаете свой балахон и остаетесь в джинсах — это тоже намек на то, что вы пришелец из иных миров?**

— Режиссер все требовал современного изобразительного языка. Я это и сделал — с благословения Светланова. А режиссер пришел в ужас! Зал сначала ахнул, а потом стали хлопать, как ненормальные. Спели мы два спектакля — в очередь с другими исполнителями. И тут мне звонят: мол, надо спеть как бы вне этой очереди. Австрийский посол будет. Я говорю, что не могу, вчера пиво пил. Они: надо. Я: не могу... Впрочем, вскоре из Большого ушел и Светланов.

— **Почему, как вы думаете?**

— Я уверен, что Светланов был абсолютно рок-н-рольным музыкантом. По своей психоаналитике. По отношению к творчеству, к музыке. Если обыкновенный музыкант может быть и таким, и другим, то рок-н-

рольный музыкант — только таким...

— **Ну, уж вы-то были и таким, и этаким, и другим...**

— Я был таким, каким был в тот момент.

— **Не кусали локти, что не пошли в Большой?**

— Мы с Галей Калининой, потом она станет народной артисткой Союза и так далее, и с Наташей Троицкой, будущей солисткой Мадридской оперы, где-то в 72-м или 73-м году ходили в Большой пробоваться. Я тогда учился в Институте Гнесиных. И нас всех поперли. Вот как только Вишневецкая свалила — Галю сразу взяли в Большой...

— **Так что вы как бы свели счеты...**

— В какой-то степени мне это было интересно. Это был своего рода спорт. Но я вообще-то плохо подчиняюсь чужой воле,

привык сам решать, что делать и как. Не знаю, как бы я существовал в театральном коллективе, где над тобой дирижер, режиссер... Ну, если гений, как Светланов, — это может быть интересно.

— **То есть вы всю жизнь диссидентствовали. Сначала добились независимости от семьи, потом от «официальной» музыки, потом от какого бы то ни было начальства над собой... Сначала диссида эстетическая (рок-н-ролл), потом — идеологическая (ваши песни)...**

— Между тем, что делал я, и тем, что делали наши классические диссиденты, — а я их знал и был в курсе того, чем они занимались, — большая разница. Они совершали, на мой взгляд, очень большую психологиче-

1971 г. «Занимался каратэ, когда это было модно»

скую ошибку, о которой сегодня говорить как-то не принято. Почти во всех случаях они обращали внимание на Запад и хотели воздействовать на российскую советскую власть с внешней стороны.

— **А как еще?**

— Только изнутри. По-моему, диссидентство, протест, бла-бла-бла, мой посыл был обращен к нашим людям, живущим здесь. Я их пытался — ну не перевоспитывать, а настроить на другой лад. Я обращался к массе, диссиденты — внутри страны — лишь к себе подобным, к «интеллигентам». Именно потому меня не душили. Хотя и не двигали. Ведь во времена СССР как было? В принципе всем помогали. И все привыкли, что им должны помогать. Поэтому рок-н-рольщики очень удивлялись: мы такие талантливые, а никто не помогает.

Когда у меня начались неприятности в 84-м году, приводы, меня начали вызывать в КГБ и задавать вопросы, почему я пою эти стихи, вот, мол, люди жалуются. И где вы

взяли эти стихи, этого Сашу Черного? Купил, говорю. В магазине. За 150 рублей. Они, мол, оставьте нам книжку. Я: ни фиги я вам не оставлю, закажите в Ленинке, там все тексты советских писателей. Не все, говорят, стихи, которые напечатаны в СССР, можно исполнять. А вы, говорю, тогда на каждом стихотворении делайте сноску, что можно петь, что нет. Потом они меня поугали. И велели расписаться под текстом, где было сказано, что «незалитованных», то есть не прошедших цензуру, текстов я петь не буду.

После мы с этими ребятами разговорились. Когда вышли покурить. И я увидел, что они нормальные люди. Мне показалось, что они разделяют какие-то мои убеждения. Но они были карьеристами, попавшими в систему, не желающими портить себе жизнь. А для этого надо было не выносить сора из избы. Это традиционная русская ориентировка. И я не хотел выносить сор из избы. Потому что тогда уже догадался: Запад совершенно не заинтересован в том, чтобы жизнь в России улучшалась — разве что под их контролем и на их манер. Меня это не устраивало.

Звездочет Градского — дьявол. «Пришел, соблазнил, проверил всех на прочность нравственных устоев»

— Да чем же?

— Там очень прагматичная жизнь, никакого отношения к духовности она не имеет. Культура там существует как некий атрибут, как обязательное, но приложение. Хотя музыкальная культура там высочайшая. И вообще всего много — выставки, спектакли. Но отношение к этому иное, чему у нас. Они вот сегодня ходили в ресторан — а завтра на выставку Дега. Какой-то процесс поедания культуры. Я им это говорю — они

обижаются.

Театральный разезд...

— Ну, те времена для вас миновали. Есть решение московского правительства о постройке вашего театра.

— Есть надежда, что театр будет. Но строят на средства небогатой городской казны. Вообще мне никто ничего не должен, понимаете? Обидно, что не дают? Да, обидно. Потому что все время дают кому-то другому, кто не заслуживает, на мой взгляд, ничего. Но кончится у всех одинаково: упадешь — и дыхание из тебя вон. Так что если обидчивый, то заработай деньги и построй театр. Если бы я из России уехал, я бы заработал. Но я не такой путь выбрал, и нет ощущения, что выбрал неправильно. Так что пока

1979 г. Во время записи цикла «Сатиры» на стихи Саша Черного

стройка идет. На Коровьем валу, это Добрынинская площадь, недалеко от Кремля. Хороший проект. Положено \$5 млн., выделены еще \$14–15 млн. так называемых лимитов. Это не деньги. Это вроде бы возможность строить. Если бы мне дали эти средства, я построил бы месяцев за пять.

— А что у вас за альянс с Карауловым? Он в каждой передаче «Момент истины» вставляет ваши баллады. И ощущение такое, как было в 70-е годы от «Нового мира»: наконец-то правда! Это я не про Караулова, про вас...

— Я научился писать стихи после 80-го. Караулов с концерта моего переписал — и теперь в свои передачи вставляет. Я у него, как хор в греческой трагедии. Но выглядит это несколько легковесно

Петушок кричит опять

— Давайте вернемся к «Золотому петушку». Кто, на ваш взгляд, ныне в роли Звездочета? Ведь он у Пушкина,

плюс ко всему, еще и мусульманин — «в сарадинской шапке белой».

— Да нет сегодня такого, не надо бояться. Думаете, Борис Абрамович Березовский? Но это милейший человек. И он сам не понимает, как он смешон. Я, глядя на него, получаю удовольствие: он, Владимир Вольфович, Новодворская... Замечательные персонажи. Я устал читать газетный бред, что мы провалились, что мы разорены, что нас ограбили. Тех, кто все это пишет, надо бы на машине времени отправить в 81-й год.

Каждый день по телевизору интервью с «людьми из народа»: какой-нибудь дворник или пенсионерка тетя Маша вещает: «Нас обобрали!» Можно подумать, им когда-то принадлежали эта нефть и алмазы.

Да они той нефти и не видели! Не их она! И никогда им не принадлежала! Их дело — улицу мести! А у нас всякий глядит в Наполеоны и в государственные деятели.

— Ладно. Но кто-то же для вас авторитет? Условно говоря — Сахаров? Лихачев?

— Условно говоря — да. Я бы добавил Солженицына.

— Его последняя книга по еврейскому вопросу вас не смущает?

— Не смущает. Ничего такого, что пришло бы в моих глазах Солженицына, я в ней не обнаружил. Ну да, евреев не любят. Сильных, умных всегда не любят. И русских тоже не любят. Особенно в Америке. Боятся.

— Вы шовинист?

— Я реальный человек. Не знаю, великий ли писатель Солженицын, но, безусловно, это крупная историческая фигура. Такой... современный Чернышевский. Вообще у нас сегодня на виду так называемые раскрученные имена. Все они, безусловно, талантливы, но к этому еще и прибавляется талант самоутверждения. И ими вправду можно восхищаться — Сашей Шилловым, Глазун-

вым, Гергиевым, Церетели, Вишневецкой...

— **Для вас это люди одного ряда?**

— Да. Искусство должно существовать только в идеальном виде. Лучше слушать записи Марии Каллас, Титто Руффо, Титто Гобби, Карузо, Джильи, Яна Кипуры, чем со-временного тенора, у которого перед великими только одно преимущество: он живой.

— **Трудный у вас характер...**

— Знаете, а люди ко мне вообще-то хо-рошо относятся. Я чувствую.

В свое удовольствие

— **А к чему вы хорошо относитесь?**

Что вам нравится? Что вас радует?

— Меня радуют мои дети. Дочка Маша учится в МГУ, на факультете истории и тео-

— Мне во сне приснилась афиша синяя, а на ней красными буквами имя. И портрет. А вот у меня диплом Дани висит.

— **Рядом с фотографиями, где вы изображены то с Ельциным, то с Пу-тиным.**

— Данин диплом висит несколько выше, если вы заметили.

— **А кто ваши друзья?**

— Два-три человека. Один из них лите-ратор, очень неплохой писатель, на мой вкус. Но вообще я редко кого подпускаю к себе близко. У меня не столько друзья, сколько приятели. То есть симпатичные мне люди, на которых можно положиться и кото-рым я сам готов помогать, если надо.

— **А что вы читаете?**

строю сам, прораба нет, я сам даю указания.

— **У вас должны быть способности к бизнесу.**

— Думаю, что есть. Но я этим не занима-юсь и заниматься не буду. Я чужой труд не продаю. Бизнес — это что-то вроде спорта, где целью являются бумажки. Хотя сейчас мне нужно закончить несколько неприятных дел. Один проект — создать некую «финан-совую подушку», чтобы я смог, наконец, за-няться оперой. Уже тридцать лет к этому иду, либретто готово по «Мастеру и Маргарите».

— **Вы будете петь там Воланда?**

— Я буду петь Мастера и Иешуа. Воланд — вождь идеологический, а я буду вождем духовным, ха-ха! Работы мне года на два.

— **Опера будет для театра?**

— Нет, этого никто на сцене спеть не сможет. Для пластинки — и то дай Бог, чтобы нормально получилось.

— **А спортом вы занимаетесь?**

— Это было раньше. Занимался вольной борьбой, волейболом. Каратэ, когда было модно. Сейчас тихие игры: шахматы, карты.

— **По лесу ходить любите?**

— Нет! Люблю сидеть! А еще лучше — ле-жать! В гамаке. Середина сентября. Градусов 13–15. Листья желтые. Дождя чтоб не было. Часов пять вечера. Солнце... И чтоб ни мух, ни комаров. Вот это — хорошо! Я был в Сар-динии один день, мы с Игорем Бутманом ез-дили на концерт вместе. С утра ходили заго-рять, купаться. Я лежу полтора часа и не по-нимаю, почему мне так хорошо. А просто нет ни комаров, ни мух, ни всей этой гадости.

— **Зверей-то любите?**

— У меня собака живет на даче. Кавказ-ская овчарка. Очень симпатичная.

— **Это же свирепый зверь!**

— Она очень добрая. Да любая собака добрая, если ее не сажать на цепь.

— **Их же специально выводят, чтоб злые были.**

— Если к ним по-человечески относиться, воспитание одолевает наследствен-ность. Хотя, конечно, я завел ее для охраны. Чтоб гавкала. И вид у нее внушительный.

— **Если разрешат иметь оружие, пи-стоlet себе купите?**

— Обязательно. Водяной.

1989 г. После землетрясения в Спитаке Градский записал песню Азнавура «Fog you, Agmenia» вместе с Лайзой Минелли

рии искусств (возможно, я путаю название). До того два года занималась в Англии в ча-стной школе. Сын Даниил тоже там учился, и тоже в частной школе, а потом в Лондон-ской школе экономики.

— **Это же безумно дорогое удоволь-ствие! 22 тысячи фунтов стерлингов в год, насколько я помню.**

— Еще надо было платить за квартиру и еду! Я тогда вылетел в трубу. Все уходило на детей. Хотя, с другой стороны, мне-то лично почти ничего не надо. Есть два-три свитера, две-три рубашки, пара брюк — и ничего больше не надо. Кроме машины.

— **Какая машина-то?**

— «Мерседес».

— **Вы хороший папа.**

— Я хороший папа, в самом деле. Но те-перь Даня уже работает. Предлагали ему место в Англии, в США, но он не захотел. Так что сейчас он в Москве.

— **Он у вас в честь кого-то Даниил?**

— Очень мало. И в основном газеты. Сов-ременную литературу читать не могу. Люблю Набокова, Гоголя, Пушкина, Мережковского. Раньше любил Александра Зиновьева, те-перь не могу его любить. Но одну его фразу все равно обожаю: «При попытке выгово-рять слово «трансцендентальный» заведую-щий вывихнул челюсть». Вот когда устану или заболелю, буду читать письма Сенеки Лу-цилию или речи Цицерона. Далее о моих удовольствиях, да? Вот уже девятый год строю себе дачу под Москвой. Конца пока не видно. Затраты, правда, не очень большие,

Это интервью — последняя статья Татьяны Блажновой. 22 декабря 2003 года она ушла из жизни. Веселая, добрая, ироничная, бесконечно честная — по отношению к себе и людям, ремеслу, миру. О таких, как она, говорят — «правдолюбка». Правдолюбков, как известно, не очень любят. Ее любили. У нее было множество друзей — мало у кого столько найдется. Куда бы она ни приходила, все радовались. Вот и в один из своих последних визитов в редакцию, когда одна из коллег подарила ей хорошенькую косметичку, Татьяна Александровна пыталась отвертеться: «Олечка, если меня и эту косметичку выбросят на улицу, косметичку подберут быстрее». Вот и сейчас, вспоминая Татьяну Блажнову, мы улыбаемся. В этом вся она.